

Когда Цинь Цинь добралась до полицейского участка, Ван Ин, отец Синди, сидел на корточках у крыльца и курил одну сигарету за другой. Его глаза покраснели от лопнувших сосудов, а поредевшие седые волосы растрепались. Казалось, за эти часы он постарел сразу на десять лет.

Цинь Цинь подошла к нему быстрыми, решительными шагами.

— Что стряслось?

Увидев её, Ван Ин вскочил, словно утопающий, ухватившийся за спасительную соломинку.

— Госпожа Цинь, умоляю, помогите! Спасите Синди! Ради всего святого, вытащите её оттуда!

Синди с самого детства росла избалованной и бестолковой. За годы учебы за границей она набралась худших привычек, из которых самой пагубной стала наркозависимость. На самом деле Цинь Цинь никогда не держала бы при себе такое ничтожество, если бы не одно обстоятельство: Синди с малых лет пользовалась доверием Жуань Ихань. Лишь ради этого Цинь Цинь годами покровительствовала семье Ван и даже тайно оплачивала пагубное пристрастие девушки, превратив её в послушную ручную марионетку.

Кто же знал, что эта дура окажется настолько никчемной. Во время очередной ломки её накрыли галлюцинации. Усевшись вместе со своей подружкой в новенький спорткар, она потеряла управление и на полной скорости протаранила дорожное ограждение. Поскольку машина была элитной и обладала безупречной системой безопасности, сработавшие подушки защитили её голову. Серьезных травм Синди не получила, но прибывшие на место патрульные сразу заподозрили неладное. Сначала её проверили на алкоголь, а следом — на наркотики.

В последние годы государство развернуло беспощадную войну с наркоторговлей и употреблением запрещенных веществ. Теперь, когда Синди попалась с поличным, даже колоссальное влияние Цинь Цинь не помогло бы замять дело без громкого скандала. Хуже того — то ли по злой иронии судьбы, то ли по чьему-то расчету, видеоролик с аварией уже разлетелся по сети и стремительно взлетел в топ трендов Вейбо. Особенно пользователей возмутило то, как одурманенная Синди, еле держась на ногах, матом крыла очевидцев, требуя, чтобы те убирались.

Камбек разгневанных пользователей не заставил себя ждать:

«И такое творится прямо в столице? @ПолицияПекина, вы куда смотрите?»

«Наказать по всей строгости закона! Такие твари гробят чужие жизни. А если бы на месте ограждения оказались пешеходы?»

«Посмотрите, какая наглая! Сразу видно, за её спиной стоят большие деньги. Нужно тщательно проверить её семейку!»

Когда общественное недовольство разгорается до такой степени, дело немедленно берет под контроль министерская комиссия. Цинь Цинь была слишком умна, чтобы соваться в это пекло. Избавиться от семейства Ван не составляло труда. Жаль лишь фигуру на доске — важную пешку, которую она кропотливо возвращала столько лет.

Цинь Цинь устало потерла виски, пытаясь унять тупую, давящую боль. В сложившихся обстоятельствах значимость Сяо Хай возросла многократно. От того, как сложатся её отношения с Жуань Ихань, зависела судьба всей семьи Цинь.

Собираясь спуститься к выходу, Цинь Цинь заметила в окно знакомый автомобиль. Сердце тревожно екнуло. Она быстро скользнула в пустующий кабинет по соседству, увлекая за собой Дуаньцзы. Тот послушно замер рядом, недоуменно наблюдая через щель приоткрытой двери за спешащей по коридору Жуань Ихань.

Брат Дуань искренне не понимал мотивов своей покровительницы. По его мнению, госпожа Цинь обладала безграничной властью и железной хваткой, так зачем ей так сильно оглядываться на эту сопливую девчонку?

Цинь Цинь без труда считала его мысли. Наклонившись к его уху, она холодно прошептала:

— Империя Жуаньши строилась поколениями. Её фундамент слишком прочен, чтобы разрушить его одним ударом. Даже загнанный в угол кролик способен вцепиться в глотку, если его прижать. Будь осторожнее и не смей недооценивать врага.

Брат Дуань послушно склонил голову, не решаясь возразить, но в душе его по-прежнему бурлило недовольство. Для него Жуань Ихань оставалась лишь капризной наследницей, привыкшей к праздности. Будь у неё хоть капля ума, разве примчалась бы она в полицию навещать подругу, которая только что устроила грандиозный скандал на всю страну?

Ихань шла быстро, её лоб покрыли мелкие капельки пота. Завидев Ван Ина, она бросилась к нему:

— Дядя Ван! Где Синди? Что с ней?

В руках она крепко сжимала охапку белых лилий — любимых цветов подруги.

Ван Ин посмотрел на нее, и его глаза наполнились слезами. Он медленно покачал головой:

— Всё кончено...

Теперь будущее его дочери было разрушено. Все их грязные сделки с Цинь Цинь замышлялись лишь ради того, чтобы проложить Синди дорогу вверх. А теперь вся их жизнь превратилась в пепел.

В этот критический момент Цинь Цинь, разумеется, думала только о собственной безопасности. Она даже пальцем не пошевелила ради спасения Синди и не сделала ни одного звонка нужным людям. В то же время Жуань Ихань, чьи глаза покраснели от слез и усталости, отчаянно пыталась заглянуть в палату, умоляя дежурных полицейских пропустить её хотя бы на минуту.

Сердце у старого Вана было не из камня. Внутренние весы пошатнулись. Переводя взгляд с преданной Жуань Ихань на лежащую без сознания дочь, он крепко сжал кулаки. Ему было прекрасно известно, зачем Цинь Цинь годами поддерживала их семью. Теперь, когда Синди запятнала себя наркотиками, строгие правила семьи Жуань навсегда закроют ей двери в их дом. О дружбе с Жуань Ихань можно забыть. А значит, и их ценность для Цинь Цинь свелась к нулю.

Цинь Цинь наблюдала за этой сценой из полумрака кабинета, подмечая каждую деталь. Повернувшись к помощнику, она бросила короткое:

— Избавься от них.

Брат Дуань молча кивнул. Он слишком давно знал госпожу Цинь и помнил: тех, кто посмел усомниться в верности или дать слабину, она уничтожала без тени сомнения.

На следующее утро на рабочем столе молодой главы Жуаньши лежала свежая газета. А-Ли стояла рядом, опустив голову. Её лицо выражало глубокую скорбь и гнетущую тишину.

Жуань Ихань грела пальцы о чашку с горячим кофе, скользя взглядом по строчкам заголовка:

«Беда не приходит одна? Пока единственная дочь миллионера арестована за наркотическое опьянение за рулем, убитый горем отец вместе с супругой попал в смертельное ДТП с грузовиком»

Она знала, что всё закончится именно так. Знала, но всё равно оцепенела. Цинь Цинь оказалась куда более безжалостным чудовищем, чем виделось в самых страшных кошмарах.

Пальцы Жуань Ихань заledenели. Спустя бесконечно долгие минуты она медленно подошла к панорамному окну. Внизу расстился океан неоновых огней мегаполиса, но эта

ослепительная роскошь казалась ей безжизненной, пустой и до ужаса одинокой.

— А-Ли.

— Да, госпожа Жуань, — отозвалась та.

Взгляд Жуань Ихань казался бездонным колодцем:

— Знаешь, что самое страшное во взрослой жизни?

А-Ли промолчала, не решаясь прервать её мысли.

"Раньше ты презирала тех, кто идет по головам. Ненавидела их методы, презирала их гнилую суть и мечтала стереть с лица земли. А потом... оглядываешься назад и понимаешь, что сама ступила на эту же скользкую, грязную тропу. И самое страшное — у тебя больше нет дороги обратно. Только вперед, в ту же самую бездну"

На судебное заседание Жуань Ихань не пустили. Бабушка Жуань наотрез отказалась отпускать внучку. Ей никогда не нравилась Синди — старая госпожа интуитивно чуяла в ней какую-то гниль.

— Ты выросла, А-Хань, — строго выговаривала она ей накануне. — Каждый взрослый человек должен сам платить по своим счетам. Это в детстве можно было расплакаться, чтобы родители решили все проблемы.

Заплатить по счетам...

Жуань Ихань промолчала. В этот момент Цинь Цинь ободряюще коснулась её плеча:

— Не переживай, дорогая. Тётушка Циньходит туда вместо тебя и всё проконтролирует.

Отчаяние часто толкает людей на безумные поступки.

В зале суда Синди предстала в кандалах. Всклобоченная, бледная, с лихорадочно блестящими глазами. К рукаву её арестантской робы была приколотата траурная черная лента в память о погибших родителях. Едва завидев в толпе Цинь Цинь, она потеряла контроль. Наплевав на окрики конвоиров, Синди с диким звериным ревом рванулась вперед, пытаясь дотянуться до женщины скованными руками.

На лице Цинь Цинь не дрогнул ни один мускул. Она лишь снисходительно улыбнулась. Кто станет слушать наркоманку в состоянии ломки, обезумевшую от внезапной гибели родителей?

Никто.

Полицейские грубо прижали Синди к столу. Извиваясь под их весом, она иступленно хрипела, не сводя налитых кровью глаз с Цинь Цинь:

— Я убью тебя! Тварь, я задушу тебя собственными руками! Если я выберусь отсюда живой... клянусь, я вырежу всю твою семью!

Дуаньцзы холодно наблюдал за ней из угла. В его глазах вспыхнул зловещий огонек. Глупая девка сама подписывала себе приговор, распаляя ярость госпожи Цинь.

Цинь Цинь лишь слегка приподняла веки. В её голове окончательно созрело решение.

Раз так, она позаботится о том, чтобы Синди никогда не покинула стены тюрьмы.

Во второй половине дня А-Ли, воспользовавшись старыми связями, смогла получить разрешение на краткое свидание. На бледном лице Синди темнели свежие ссадины, губа была разбита. Она безучастно смотрела на А-Ли через толстое разделительное стекло.

А-Ли помнила наказ Жуань Ихань: «Проведай её. Говорить ничего не нужно».

Поэтому А-Ли молча подняла руку и медленно очертила пальцем в воздухе контур круглого леденца, а затем показала большой палец.

Этого простого жеста хватило, чтобы маска безразличия Синди треснула. Слёзы хлынули из её глаз бурным потоком.

В детстве она была невыносимо одинока — родители вечно пропадали на работе. Когда она впервые встретила Жуань Ихань, то сидела в грязи и горько плакала. Маленькая Ихань подошла к ней и протянула яркий леденец на палочке:

— Ну чего ты плачешь? На, держи конфету.

Синди боязливо взяла подарок. Решив, что новая знакомая не знает, как с ним обращаться, маленькая Жуань Ихань подняла большой палец, поднесла его к губам и весело причмокнула:

— Вот так её надо есть!

Они ведь действительно могли быть лучшими подругами. Но жестокий мир денег разрушил

всё. Синди продала эту дружбу ради выгоды, а теперь захлебывалась слезами раскаяния.

Прижавшись лбом к стеклу, она беззвучно, одними губами прошептала А-Ли:

— Сестра Жань. Наше место. Четвертая ячейка.

Вернувшись, А-Ли в точности передала слова Синди. Жуань Ихань не стала терять ни минуты. Накинув простую куртку, она в одиночку, оставив даже верную помощницу, отправилась в бар «Возвращающийся ночью».

Хозяйка заведения, сестра Жань, давняя подруга А-Ли, встретила гостью с опухшими от слез глазами.

— Сестра Жань, — тихо произнесла Жуань Ихань. — Наше место. Четвертая ячейка.

Женщина на секунду замялась, а затем понимающе кивнула:

— Подождите минуту, госпожа Жуань.

В этот ранний час в баре царил полумрак, неоновые вывески тускло поблескивали в пустоте зала. Раньше они проводили здесь кучу времени, но сейчас эта атмосфера вызывала лишь глухое отвращение.

Вскоре сестра Жань вернулась и протянула ей плотный конверт из крафтовой бумаги:

— Синди когда-то предупреждала: если с ней что-то случится, а госпожа Жуань придет расспрашивать, я должна отдать то, что спрятано в четвертой ячейке сейфа.

Человеческая натура соткана из противоречий. Синди прекрасно знала, что игры со змеями смертельно опасны, но всё равно полезла в их логово.

На улице палило нещадное солнце, но внутри автомобиля, куда села Жуань Ихань, было холодно как в склепе. Девушка задумчиво коснулась пальцами шершавой бумаги конверта.

А-Ли украдкой поглядывала на нее через зеркало заднего вида, не решаясь нарушить молчание.

Она догадывалась, что дела Цинь Цинь грязны, но реальность превзошла все ожидания. Контрабанда, теневые финансовые потоки, нелегальный бизнес за рубежом... Синди знала

слишком много. Однако одних откровений покойных сообщников для суда было мало. Стоило сделать неверный шаг, и змея ускользнет, уничтожив их всех. Нужно было запастись терпением и собирать неопровержимые улики для одного сокрушительного удара.

"И месть за мужа — всего лишь ширма, — думала Ихань. — Ей нужна империя Жуаньши, чтобы отмывать свои кровавые миллиарды"

Становилось ясно, почему Цинь Цинь так стремительно убрала чету Ван. Те по глупости сунули нос в дела, где крутились слишком большие деньги.

После затянувшегося молчания Жуань Ихань негромко произнесла:

— В Медицинский университет Синь.

В коварстве, жестокости и опыте она пока уступала Цинь Цинь. Действовать напролом означало совершить самоубийство. Ей придется учиться хладнокровию, шаг за шагом выстраивая свою партию. Ведь теперь на кону стояла не только её жизнь, но и судьба бабушки, и будущее всей семьи Жуань.

А-Ли удивленно вскинула брови, но промолчала. Жуань Ихань уже прикрыла глаза, её бледные губы были сжаты в тонкую линию.

Когда-то Цинь Цинь использовала собственную дочь, чтобы подобраться к Жуаньши.

"Что ж, теперь моя очередь, — пронеслось в мыслях Ихань. — Игра пойдет по моим правилам"

Использовать и быть использованной — грань здесь была тонка, как лезвие бритвы.

Студенческий кампус жил своей беззаботной жизнью. Здесь воздух казался чище, избавленный от душной копоти большого бизнеса. Глядя на спешащих мимо студентов с конспектами и рюкзаками за плечами, Жуань Ихань почувствовала, как тупая боль в груди немного отпускает.

Наверное, вчерашний инцидент со сжатым горлом изрядно напугал Цинь Хайяо — вчера вечером она так и не явилась в особняк Жуань. Ихань лишь усмехнулась про себя. Она не стала обрывать телефон или требовать объяснений.

Сегодня она приехала сама.

На проходной их путь преградил бдительный пожилой вахтер. А-Ли растерянно посмотрела на хозяйку, но та лишь молча достала телефон и сделала короткий звонок. Спустя пару минут вахтер, бледнея и заикаясь от извинений, распахнул перед ними ворота:

— Простите великодушно, госпожа Жуань! Не признал, не углядел!

Заметив недоуменный взгляд А-Ли, Жуань Ихань небрежно бросила:

— На днях я выделила вузу круглую сумму на постройку нового стадиона.

А-Ли лишь покачала головой. Поступки молодой хозяйки становились всё более непредсказуемыми.

Поймав на себе восхищенный взгляд помощницы, Жуань Ихань стянула с плеч строгий жакет, оставшись в лаконичной белой рубашке.

— Ну как? — спросила она, поправляя воротник.

— Что «как», госпожа Жуань? — растерялась А-Ли.

Если бы не абсолютная преданность этой девушки, Ихань давно бы уволила её за непроходимую наивность. Засунув руки в карманы джинсов, она подставила лицо легкому ветру:

— На студентку похожа? Не слишком выделяюсь?

Только тут А-Ли сообразила, в чем дело. Действительно, простая одежда преобразила Жуань Ихань. Синие джинсы, белоснежная рубашка свободного кроя... От былой хищной элегантности не осталось и следа. На смену ей пришла дерзкая, летящая юность. Обычно госпожа Жуань предпочитала чувственные, облегающие платья и каблуки, но этот простой образ удивительно шел ей, подчеркивая природное изящество.

Удовлетворившись безмолвным одобрением помощницы, Ихань уверенно зашагала к главному корпусу. А-Ли послушно засеменила следом, но через пару метров хозяйка резко остановилась. Девушка едва не врезалась ей в спину.

Ихань медленно повернула голову и смерила её высокомерным взглядом.

— Оставайся здесь, — скомандовала она, вздернув подбородок.

— Но почему? — растерялась А-Ли. Хоть территория университета и считалась безопасной,

долг велел ей не отходить от госпожи ни на шаг.

Уголок губ Жуань Ихань пополз вверх:

— Тётушка, ты выглядишь слишком взрослой для этого места. С тобой я буду казаться старше.

А-Ли застыла с открытым ртом. Удар пришелся прямо в сердце.

Оставшись на месте, несчастная «тётушка» провожала взглядом удаляющуюся Ихань. Надо признать, та ничуть не лукавила: её дерзкая, свежая красота идеально вписывалась в общую массу студентов. И всё же... Жуань Ихань была слишком заметной фигурой. Даже в самом простом наряде прохожие невольно оборачивались ей вслед. Она обладала той редкой, породистой статью, при которой даже грубый холщовый мешок смотрелся бы как наряд от кутюр.

Порыв ветра всколыхнул полы её тонкой рубашки и разметал по плечам темные локоны. Свободная, летящая, безупречная.

"Постойте-ка... Мы ведь никогда раньше здесь не были. Как она нашла дорогу без единой подсказки?"

Последние дни выдались для Цинь Хайяо изнурительными. Вчера она так и не поехала к Жуань Ихань, чтобы обработать её раны. Причина была уважительной — заболела младшая сестра. Момо с самого детства успокаивалась только тогда, когда Хайяо сидела у её постели и негромко рассказывала сказки. Без этого девочка просто не могла уснуть.

Вот только сказки из детских книжек давно перестали интересовать повзрослевшую Момо. Теперь она требовала от сестры историй, рожденных её собственным воображением — странных, глубоких, порой пугающих.

— Сестра, неужели люди и правда могут перерождаться? — спросила Момо на языке жестов.

Хайяо нежно погладила сестру по мягким волосам:

— Это всего лишь сказка, глупышка. Не принимай всё так близко к сердцу. Самое ценное, что у нас есть — это настоящее. То, что происходит прямо сейчас.

Но Момо упрямо продолжала расспросы:

— И всё-таки, как это происходит в твоей истории? Неужели такое возможно? А могут ли переродиться сразу несколько человек?

Если бы это было реальностью, Момо отдала бы всё, чтобы вернуться на год назад. До того, как страшный недуг лишил её голоса. Тогда она ещё могла говорить, могла петь... Мир казался таким ясным, теплым и безопасным.

Цинь Хайяо на мгновение умолкла. Её взгляд скользнул к углу письменного стола, где лежал аккуратно сложенный из розовой бумаги журавлик.

— Думаю, — тихо произнесла она, — за каждую возможность начать всё сначала приходится платить непомерно высокую цену.

Момо удивленно склонила голову набок:

— Какую цену?

Хайяо бережно прижала её к себе, не сводя глаз с бумажной птицы:

— На этот раз я пока не знаю.

Длинные ресницы девочки дрогнули:

— А когда узнаешь?

Словно в ответ на её немой вопрос, по спине Хайяо пробежала ледяная дрожь, заставив плечи мелко вздрогнуть. Вглядываясь в розовые грани оригами, она прошептала:

— Очень скоро...

Прошли сутки, но следы пальцев на шее Хайяо лишь потемнели, налившись зловещей синевой. Чтобы скрыть этот жуткий след, ей пришлось повязать плотный темный шарф.

К своей работе она всегда относилась с предельной строгостью. Переступая порог Университета Синь, Цинь Хайяо оставляла все личные невзгоды снаружи. Студенты должны были видеть перед собой собранного, энергичного и безупречного преподавателя.

Справившись с волнением, она взяла учебные пособия и направилась в аудиторию.

На сегодняшней лекции им предстояло детально разобрать анатомическое строение мышечных тканей. Тема была сложной и важной, поэтому перед началом занятий Хайяо выпила двойной эспрессо, чтобы взбодриться.

Подходя к дверям аудитории, она заметила толпу студентов, облепивших заднее смотровое окно. Из коридора доносился их приглушенный восторженный шепот:

— Эй, это кто там сидит?

— Новенькая с параллельного курса? До чего же красивая...

— Очнись, придурок, у тебя сейчас слюна потечет! Глаза протри.

Хайяо негромко покашляла у них за спинами. Студенты испуганно обернулись и, завидев преподавателя, поспешно забормотали приветствия:

— Добрый день, доктор Цинь! Здравствуйте!

Краснея от смущения, они гурьбой бросились на свои места. Хайяо лишь с улыбкой покачала головой. Студенческие годы — пора бушующих гормонов, когда тайком подглядывать за красивыми сокурсниками считается делом обыденным. Вот только она знала каждого ученика на своем потоке в лицо и не помнила среди них никого, кто мог бы вызвать подобный ажиотаж.

Заинтригованная, она вошла в аудиторию, прижимая к груди книги.

— Прошу всех занять свои места, начинаем лекцию, — звучно объявила она и невольно бросила взгляд на галёрку, где только что толпились ребята.

В ту же секунду сердце Хайяо пропустило удар, а затем бешено заколотилось в груди.

На самом последнем ряду, небрежно откинувшись на спинку стула, сидела Жуань Ихань. Лениво пережевывая жвачку, она смотрела на преподавателя с мягкой, почти ласковой усмешкой. Её темные глаза искрились лукавством.

Встретившись с Хайяо взглядом, она беззвучно, одними губами произнесла:

«Здравствуйте, учитель Цинь».